

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ.

Человек и ученый Борис Ермолаевич Андюсев

Я знаю Бориса Ермолаевича с 1970 года — со времени поступления его в Красноярский педагогический институт (ныне университет) на историко-филологический факультет. В годы обучения 17-летний сельский паренек запомнился неподдельным интересом к учебе, всеядностью к отечественной истории (сказалась увлеченность краеведческой работой в школьные годы), особым позитивно-эмоциональным отношением к людям. На сельхозработках и на археологической практике на Тамани он не чурался никакой работы, был добрым, чутким и отзывчивым, душевным, настоящим любимцем у товарищей, даже зачастую старше его. Тогда же мы узнали о его даре художника.

После успешного окончания института и военной службы Борис Ермолаевич с 1976 года 19 лет проработал в трех школах Красноярского края. И везде он организовывал поисковые клубы и вел с учениками историко-краеведческую работу. В результате деятельности учителя истории появились историко-краеведческие музеи в Имисской средней школе Курагинского района, Балахтонской средней школе Козульского района и Северо-Енисейской средней школе № 2 Северо-Енисейского района. Он вспоминал: «Всего за два десятка лет поисковой деятельности мы с ребятами восстановили данные о более чем 70 без вести пропавших солдат и офицеров. Работал над составлением Книги памяти Северо-Енисейского района, организовал летний археологический лагерь при Фанагорийской экспедиции АН СССР. Дважды возил группы учеников по 25–28 человек на раскопки. За время работы в школах края 14 учеников поступили на исторические факультеты различных вузов. Две ученицы стали впоследствии кандидатами наук».

Согласитесь, очень впечатляющий перечень, и это при серьезных проблемах со здоровьем в течение многих десятилетий. Огромное трудолюбие и творческая, патриотически направленная мотивация обусловили высокое профессиональное мастерство педагога-предметника. Важно, что глубокое проникновение в предмет, стремление достичь полной взаимной обратной связи с учеником и человеческая заинтересованность в результатах обучения делали предметника-историка методистом, который никогда не разделял обучение и воспитание, учебный процесс и внеклассную работу. Разработанная им в течение восьми лет методика модельно-блочного обучения истории, опубликованная в 1994 году в Москве как «Учебный комплекс, методические материалы и обобщение опыта работы», была замечена на федеральном уровне и рекомендована учителям истории всей страны.

Естественно, что такого классного специалиста на следующий год привлекли к работе в институте усовершенствования учителей Красноярского края и в педагогическом университете на родном историческом факультете. Это, можно сказать, уникальный случай, когда учителя сельской средней общеобразовательной школы переводом принимали на работу сразу в два высших учебных заведения.

Уже на новом уровне Борис Ермолаевич продолжил заниматься разработкой регионального компонента образования, повышением квалификации учителей истории и краеведения. На смену учащимся школьных классов пришли на последующие 28 лет студенты вузовских аудиторий. В научном же плане он, естественно, не захотел расставаться с краеведением малой родины, но уже на теоретическом уровне историей Приенисейского края. Сугубо новаторская выбранная проблема оказалась на стыке истории, этнологии, психологии, этнографии, культурологии. Результат обобщения полевых материалов в работе со старожилами сибирских селений наложилась на глубокое изучение источников архивных фондов и библиотек. В 2002 году он блестяще защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Отечественная история» по теме «Традиционное сознание крестьян — старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII — 90-х гг. XIX в.». И далее, продолжая работать уже в должности доцента кафедры отечественной истории, в 2004 году создал кафедру современных технологий обучения КГПУ им. В.П. Астафьева и стал ее заведующим. Команда талантливых преподавателей кафедры добились своей творческой работой того, что была признана лучшей кафедрой вуза по итогам 2011 года.

Почетный работник общего образования РФ доцент Борис Ермолаевич Андюсев с 2016 года работает в Сибирском федеральном университете на кафедре истории России.

За время работы в вузах Борис Ермолаевич опубликовал около 130 научных и методических работ, из них около десятка монографий (лично и в соавторстве), примерно столько же учебно-методических пособий и др. Особо выделяется учебное пособие «Сибирское краеведение», которое в течение восьми лет трижды переиздавалось — в 1998, 2003 и 2006 годах — и получило федеральный гриф МО РФ «Рекомендовано» для учебных заведений РФ.

С середины 2000-х годов Борис Ермолаевич становится основателем научного направления в истории Красноярского края – «Устная история: человек в повседневности XX – начала XXI вв.». Ряд поколений студентов КГПУ им. В.П. Астафьева освоили умения и навыки интервью, создания для архивного хранения источников личного происхождения.

Основная сфера научной деятельности все годы в профессии состоит в изучении народной культуры, психологии и характера русских старожилов Сибири. Разрабатывая хронологически вширь и теоретически вглубь прежнюю научную проблематику, ученый, по его словам, пошел «непроторенной тропой исторической этнопсихологии». Это направление в науке абсолютно новаторское для всей Сибири в развитие «питерской» научной школы С.В. Лурье. Уже не столько как историк, а как культуролог, исторический этнопсихолог, Борис Ермолаевич сформулировал и обосновал ряд новаторских положений об адаптационных, в физическом и психологическом плане, процессах формирования и развития на базе русских сибиряков-старожилов в XVII — начале XX века субэтнуса (особой ветви) российской нации с особым «сибирским характером». С позиций междисциплинарности в едином проблемном поле истории, этнологии, психологии автор ввел в историческое исследование этот термин.

Им предложено в качестве базового следующее определение: «Сибирский характер» — это исторически сложившаяся совокупность устойчивых психологических черт, ценностей и традиций, темперамента представителей сибирского субэтнуса, определяющих манеру поведения и типичный образ действий и проявляющихся в их отношении к окружающему миру стереотипах поведения в социуме». Русские старожилы освоили экстремальный регион, но одновременно и сами были «освоены» Сибирью «по образу и подобию» этого края.

Предыдущие результаты комплексного изучения историко-культурных и ментально-психологических процессов в среде русских старожилов представлены в научно-популярном изложении в настоящей книге «На Сибири мы сибиряки». В качестве центрального проблемного вопроса автор научных очерков задал вызовы: «Кто ты, сибиряк? Чьих вы будете, старожилы?». Ответом в процессе изучения и осмысления этих проблем стало понимание, что физическая адаптация русских в Сибири сформировала «природного» рационально мыслящего сибиряка. Одновременно в ходе психологической адаптации сформировались особенные черты характера в ментальности и стереотипах поведения. Сибиряк соединил в этом характере русскую традиционную духовность и западный рациональный прагматизм.

В историографических анализах и обзорах своих работ сибирские историки неоднократно отмечали, что именно Б.Е. Андюсев впервые в отечественном сибиреведении выдвинул как научную проблему «психологической адаптации» русских в ходе освоения экстремального края. Нарботанное и привычное для специалистов практической психологии понятие «психологическая адаптация человека» он ввел в историческое исследование. В контексте своих подходов автор очерков представил в динамике развития свое видение оснований становления сибирского земледелия, адаптированных к вызовам Сибири социальных отношений, формирования духовной культуры старожилов.

В 16 очерках книги, посвященных характеристике комплекса материальной, социальной, духовной культуры, новой идентичности и самосознания старожилов, автор убеждает в их «высокой нравственности, совестливости и трудолюбии старожилов. Сибиряки — люди мужественные и свободные, стойкие и гордые, честные и высоконравственные, «славутные» в труде и общественной жизни, любознательные и предприимчивые».

Вольные или невольные переселенцы — «русский человек» и представители иных этнических культур народов Евразийской России, народов Прибалтики, Польши — проходили социальную и психологическую адаптацию в сибирской среде русского старожильского населения, в общине деревни или городского посада, в поколениях закрепляя новую идентичность и стереотипы поведения. Выработанные автором технологии реконструкции субэтнического характера «старожилов-сибиряков» привели к важной мысли об известной повторяемости этнокультурных и психоментальных процессов в истории русского народа — процессов обживания славянами Восточно-Европейской равнины в VII–XIII веках и освоения

Сибири в XVII–XVIII веках. Можно лишь добавить, что аналогичные процессы протекали в XIV–XVI веках при формировании преемственного этноса средневековых русских на основе части восточных славян — русичей и народов от Волго-Обского междуречья до Северного Урала.

Авторская реконструкция традиционного сознания сибиряков убеждает, что оно «содержало совокупность ценностей «картины мира», адаптированных традиций обычного права, материальной и духовной культуры. При этом адаптация приняла для сибиряков непрерывающийся процесс выработки ответов на вызовы: сначала природно-климатические и этнокультурные, позднее постоянных потоков «российской» культуры ссыльных, переселенцев от «самоходов» до «столыпинских», и, наконец, — вызовов капиталистической модернизации».

В своих очерках Борис Ермолаевич Андюсев справедливо отмечает, что общая зажиточность сибиряков обусловила в ментальности старожилов несколько иные духовные ценности в отличие от ценностей великорусского крестьянина. Им присущ социальный идеал зажиточности, скупости, рациональной организации образа жизни в «своем мире», а не социальная уравнительность. При этом автор неоправданно идет дальше, утверждая, что «накопительство, скупость, стремление к наживе нами оцениваются в качестве позитивных черт сибирского характера». Вряд ли стоит подчинять экономическим интересам духовно-нравственные и «стремление к наживе» считать положительной чертой характера даже у православных сибиряков. Конечно, сами сибиряки не считали зазорным кабалить чужаков (срабатывал стереотип отношений «мы» и «они»), но местные Колупаевы и Разуваевы наживались и на попавших беду односельчанах. Нужно также учесть, что круговая порука в несении налогов и натуральных повинностей, то есть обязанность платить раскладкой, как говорится, за себя и за того парня, снижала и у сибирских, по В.И. Ленину, «самых сытых крестьян в России» стремление к максимальной хозяйственной активности.

В целом Борис Ермолаевич Андюсев впервые в исторической науке предложил интересную, но не бесспорную, этносоциокультурную модель сибиряков традиционной эпохи. Для него сибиряк – соединение Запада и Востока, соединение рационализма и прагматизма в этническом характере с высоким уровнем славяно-русской духовности. Сибирский характер состоит в «несовместимой совместимости», в рациональной духовности.

Изложенная ярким и в целом достаточно доступным языком, книга, уверен, найдет своего массового читателя с самым широким кругом научных и познавательных интересов.

Г.Ф. Быконя, д.и.н., почетный профессор КГПУ им. В.П. Астафьева